

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИРАНА, РОССИИ И ТУРЦИИ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

А. Г. Большаков

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Т. З. Мансуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Сирийский конфликт является актуальной проблемой для современного международного сообщества. Именно внешние факторы относятся к приоритетным, когда мы определяем причины данного регионального противоборства. В статье анализируются усилия международных организаций и ведущих стран мира и региона по урегулированию данного конфликта. Сирийский конфликт включает гражданскую войну, противодействие террористической организации «Исламское государство» со стороны ведущих стран мира и региона, военные и полицейские операции стран Запада, Российской Федерации, Турции. Основные участники конфликта рассматриваются внешними акторами по-разному, одни и те же группы считаются террористическими или ведущими национально-освободительную войну. Национальные армии сталкиваются в Сирии с частными военными компаниями, государства-посредники ведут гибридную войну с террористами и между собой. Законное правительство Сирии всячески поддерживается Российской Федерацией и объявляется «вне закона» США и их союзниками. В качестве методологии исследования сирийского конфликта авторами используется теория трансформации конфликта, популярная сегодня среди зарубежных и отечественных ученых. На первом плане в статье находится анализ действий России и ее современных союзников в регионе Ближнего Востока — Турции и Ирана. Обе страны имеют собственные интересы в ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке, тем не менее их позиции по проблеме сирийского конфликта во многом близки российской дипломатии. Сценарии развития ситуации на Ближнем Востоке и перспективы урегулирования сирийского конфликта составляют важнейшую часть исследования, которое проводят авторы статьи.

Ключевые слова: сирийский конфликт, Иран, Россия, Турция, прекращение огня, гуманитарная помощь, переходный процесс, урегулирование конфликта, сценарии развития.

Политический конфликт в Сирии является насущной и актуальной проблемой не только для России, но и для всего мирового сообщества, а вопрос его урегулирования, выработки методов предотвращения насилия, перспектив развития находит все большее отражение в трудах отечественных и зарубежных

ных исследователей. На сегодняшний день представляется очевидным тот факт, что значительную роль в конфликте сыграли внешние факторы, без которых он не приобрел бы столь масштабный характер. Сирийское противостояние является отражением не только комплекса региональных отношений, значительное влияние на которые оказали события «арабской весны», но и изменяющейся в целом системы международных отношений.

В политическом конфликте в Сирии достаточно отчетливо проявился феномен многополярности, в урегулировании которого в качестве прямых и опосредованных акторов принимают участие более 30 государств. В связи с этим важным представляется изучение особенностей взаимодействия этих государств. Целью данной статьи является определение специфики взаимодействия Ирана, России и Турции в сирийском конфликте после прекращения двустороннего формата взаимоотношений между США и Россией в 2016 г., их роли в данном противостоянии и перспектив его урегулирования.

В качестве широкой методологической рамки мы используем идею синтеза неоинституционального подхода в политической науке и концепции функционального конфликта Л. Козера, которая основывается на том, что множественность противоречий и противоборств, идущих одновременно, обеспечивает относительную устойчивость системы в целом. В нашем случае — региона Ближнего Востока. При этом центральной задачей становится уход от региональной нестабильности, недопущение распространения кризиса на другие регионы мира и завершение насильственных конфликтов.

В наибольшей степени нам импонирует теория трансформации конфликтов, которая развивает более традиционные концепты «урегулирования» и «разрешения». Представители школы трансформации конфликтов считают, что на современном этапе «недостаточно переформатировать позиции и найти взаимовыгодные решения», поскольку «структура сторон конфликта и их отношения отражают конфликтность взаимоотношений, которые выходят за рамки любой локальной ситуации» (Майалл, 2007, с. 78).

Поэтому трансформация конфликтов — это «процесс преобразования взаимоотношений, интересов, дискурсов и в случае необходимости — всего общества, если его устройство поддерживает продолжение насильственного конфликта» (Майалл, 2007, с. 78). Для трансформации конфликта «приоритетом является не посредничество внешних сторон, а оказание поддержки группам внутри конфликта» (Майалл, 2007, с. 78). Поскольку трансформация конфликта является поступательным процессом, в рамках которого реализуются различные меры, то важную роль в этом процессе играют совершенно разные субъекты. Взаимодействие трех государств создает дополнительные ресурсы для завершения насильственных конфликтов в нестабильном регионе.

Взаимоотношения Ирана, России и Турции на протяжении всего конфликта складывались достаточно непросто, что объясняется наличием противоречий между странами в регионе, отражающихся на процессе сирийского урегулирования. Все рассматриваемые государства часто воспринимают друг друга как региональных конкурентов, предпринимая необходимые действия для нивелирования преимуществ других сторон. Нельзя не отметить и давнее противоре-

чие между двумя направлениями ислама, шиизмом и суннизмом, оказывающее влияние на политику этих государств. Турция, в которой большинство населения исповедует ислам суннитского толка, поддерживаемая рядом арабских монархий (Саудовская Аравия, Катар и др.), в плане отношения к религии вызывает сопротивление Ирана, оказывающего всестороннюю помощь Сирии, где у власти находятся последователи алавитского вероучения, направления, близкого к шиизму. Россия занимает по данному вопросу нейтральную позицию, но при этом заинтересована в расширении своего военно-политического и экономического влияния в регионе Ближнего Востока, особенно в Сирии и Иране.

Наконец, существенную роль во взаимодействии Ирана, России и Турции играет экономический фактор, связанный с планами реализации энергетических проектов в регионе. Все отмеченные обстоятельства создают существенный конфликтный потенциал в отношениях трех стран и препятствуют формированию диалога и поиску компромиссов в сирийском противостоянии.

Иран, Россия и Турция принимали участие в международных переговорах различного формата («Женева-1», «Женева-2», «Группа действий по Сирии», «Международная группа поддержки Сирии»), взаимодействовали на площадках по сирийскому урегулированию (в Вене, Мюнхене, Цюрихе, Женеве, Лозанне). Их действия способствовали заключению важных международных соглашений по прекращению конфликта. Вместе с тем степень участия данных стран в переговорном процессе варьировалась, что объяснялось как изменениями, происходившими в позициях сторон, так и развитием ситуации в зоне конфликта.

Так, например, Турция еще до начала кризиса и в первые месяцы антиправительственных выступлений воспринимала Сирию как дружественное государство и не рассматривала вариант революционных событий в стране. Р. Эрдоган, находившийся тогда на посту премьер-министра, попытался урегулировать конфликт и предложил Б. Асаду пойти на уступки оппозиции и провести реформы в стране (Труевцев, 2017, с. 154). Однако нежелание и невозможность осуществить некоторые из них способствовали формированию серьезных противоречий между странами и в итоге привели к поддержке Турцией оппозиционных группировок.

Иран, в свою очередь, оказывает военно-техническую и экономическую помощь Сирии, имеет серьезные разногласия с Турцией по сирийскому конфликту, касающиеся формирования будущего политического устройства. Турция неоднократно в период с 2011 по 2014 г. стремилась не допускать Иран к участию в переговорном процессе в Женеве. Двум государствам удалось сгладить некоторые острые углы благодаря поддержке Ираном позиции Турции по курдскому вопросу, где их взгляды почти идентичны. Однако на сегодняшний день ряд оппозиционных группировок Сирии, поддерживаемых Турцией, достаточно негативно относятся к Ирану и выступают против его участия в конфликте в качестве гаранта соблюдения международных договоренностей по вопросам безопасности, заключаемых в Астане.

Роль Российской Федерации в конфликте изначально сводилась к поддержке правящего сирийского режима, оказанию ему военно-технической и дипло-

матической помощи. Вскоре позиция России изменилась, и в сентябре 2015 г. по просьбе сирийского правительства воздушно-космические войска Российской Федерации приступили к нанесению ударов по позициям экстремистских группировок в Сирии. На наш взгляд, причиной вмешательства России в конфликт стало стремление сохранить государственность Сирии, находящейся на грани распада, и отношения стратегического союзничества. Активизация позиции России в сирийском конфликте оживила политический процесс, способствовала присоединению к нему ряда региональных государств, сделала участие оппозиции более представительным.

Благодаря дипломатическим усилиям России и США удалось создать формат Международной группы поддержки Сирии и выработать ряд направлений по урегулированию конфликта: прекращение огня, оказание гуманитарной помощи и осуществление процесса политического перехода. Несмотря на достигнутые результаты и принятые практические меры по реализации данных направлений, в октябре 2016 г. сотрудничество России и США было приостановлено, что поставило под угрозу процесс дальнейшего урегулирования конфликта.

Новым этапом в его протекании можно считать активизацию взаимодействия Ирана, России и Турции, в котором эти государства взяли на себя роль основных посредников. Данный формат, получивший в научной литературе название «формат тройки», впервые был опробован на встрече министров иностранных дел и министров обороны трех государств в Москве 20 декабря 2016 г. Как показали результаты встречи, сторонам удалось согласовать свои позиции по ряду вопросов, касающихся соблюдения территориальной целостности и отсутствия военного решения конфликта. Министры иностранных дел трех стран договорились способствовать в конечном итоге выработке нового соглашения между правительством Сирии и оппозицией (Совместное заявление министров..., http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2573489). Данная встреча содействовала оживлению политического процесса и появлению возможностей конструктивного урегулирования конфликта.

Усиление взаимодействия Ирана, России и Турции и создание нового формата урегулирования конфликта стали возможными в силу ряда обстоятельств. Во-первых, начало процесса нормализации отношений между Россией и Турцией после инцидента с российским военным самолетом на сирийско-турецкой границе. Россия, как и Иран, одной из первых проинформировала власти Турции о возможной попытке военного переворота, произошедшего в этой стране в июле 2016 г., что не могло не повлиять на потепление отношений двух стран. Во-вторых, отсутствие каких-либо значимых результатов в урегулировании конфликта, опасность его эскалации и создания новых угроз безопасности. В-третьих, появление возможности расширения политического влияния этих стран в зоне конфликта и в регионе в целом. В-четвертых, углубление кризиса в отношениях между Турцией и странами Запада, ухудшение экономической ситуации в стране, что вызвало необходимость развития отношений с другими странами (в частности, Россией и Ираном). В-пятых, расхождение позиций

США и Турции по курдской проблеме и поиск «союзников» в данном вопросе среди стран, с которыми у последней значительно меньше разногласий. Таким образом, отмеченные факторы способствовали развитию сотрудничества трех стран и сглаживанию острых углов многостороннего взаимодействия по сирийскому конфликту.

Создание нового формата отношений между Ираном, Россией и Турцией явилось своевременным процессом, отвечающим интересам многих игроков в конфликте. Если Россия и Иран показали преемственность своей политики, то Турция выступила своеобразным заменителем посредничества США, которые после прекращения многих двусторонних контактов с Россией и прошедших в 2016 г. президентских выборов так и не смогли выработать четкой и понятной стратегии действий в конфликте. Взаимодействие государств в «формате тройки» с самого начала показало свою эффективность, что в значительной степени связано с действиями Турции, имеющей большое влияние на оппозиционные группировки в Сирии.

Как полагают эксперты, именно отсутствие достаточных рычагов влияния США и России на непосредственные стороны конфликта привело к прекращению взаимодействия стран в формате Международной группы поддержки Сирии. Посреднические усилия Ирана, России и Турции в конечном счете способствовали формированию определенного баланса сил в конфликте, хотя и достаточно шаткого, представленного как правительством, так и оппозицией, в котором каждая из сторон по ряду причин не заинтересована в его нарушении.

Значимым продвижением в урегулировании сирийского противоборства стало расширение переговорного формата. Если ранее практически весь комплекс вопросов, связанный с разрешением конфликта, решался в «дипломатической» столице Швейцарии — Женеве, то с 2017 г. добавилась еще одна диалоговая площадка в столице Казахстана — Астане. При этом оба формата не дублируют, а скорее дополняют друг друга. Так, если вопросы безопасности (прекращение огня, обеспечение гуманитарной помощи и др.) в основном решаются в Астане, то проблемы политического урегулирования конфликта рассматриваются в Женеве. Разделение спектра решаемых вопросов вызвано тем обстоятельством, что стороны периодически взаимоувязывали ряд вопросов, и это не позволяло их эффективно решать.

Нельзя не отметить, что посреднические усилия Ирана, России и Турции помогли не только возобновить работу по ряду ключевых направлений в урегулировании конфликта, но и значительно ее расширить. Первое из них — прекращение огня. Попытки прекратить военные действия между сторонами конфликта предпринимались неоднократно и безуспешно. Режим прекращения огня был установлен при посредничестве США и России, однако по ряду причин, касающихся процесса политического урегулирования конфликта и присутствия значительного недоверия между странами, он был сорван.

Новый режим прекращения огня был установлен в самом конце декабря 2016 г. в результате длительных и нелегких переговоров на разных уровнях, прежде всего, между Россией и Турцией, взявших на себя роль гарантов пере-

мирия, а также с правительством Сирии и отрядами вооруженной оппозиции. Документы, подписанные сторонами конфликта и предусматривающие формирование механизмов контроля за режимом прекращения боевых действий, безусловно, стимулируют переговорный процесс. Однако необходимо признать, что установленное перемирие является хрупким, так как определяется в большей степени влиянием региональных игроков и их интересов, а не интересов непосредственных сторон конфликта.

Значимым шагом в деятельности посредников Ирана, России и Турции стало создание так называемых зон деэскалации в ряде провинций Сирии. Их формирование означает прекращение в них любых боевых действий как правительственных сил, так и отрядов вооруженной оппозиции, а также обеспечение условий для мирной жизнедеятельности граждан. Законодательно их образование определяется «Меморандумом о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике», подписанным странами-гарантами по итогам четвертой Международной встречи высокого уровня по Сирии в рамках Астанинского процесса, прошедшей 3–4 мая 2017 г.

Согласно положениям документа, формируются четыре подобные территории: первая — в провинции Идлиб, а также на части соседних провинций Латакия, Хама и Алеппо, вторая — на части провинции Хомс, третья — в Восточной Гуте, четвертая — в определенных районах провинций Дераа и Кунейтра на юге Сирии (Меморандум о создании зон деэскалации..., http://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERcf/content/id/2746041). Текст документа предполагает уточнение границ зон деэскалации в Сирии путем составления их карт и определяет меры организационно-технического характера, направленные на его реализацию.

Процесс функционирования зон деэскалации, укрепляющий режим прекращения огня, вызвал интересные дискуссии в отечественных исследованиях. Ключевой вопрос — не приведет ли создание зон безопасности к автономизации ряда территорий и потери Сирией территориальной целостности.

Так, научный руководитель Института востоковедения РАН В. В. Наумкин полагает, что «если они (зоны деэскалации) долго будут развиваться в направлении внутренней организации жизни в этих зонах, в создании своей администрации и так далее, и самое главное, они будут находиться под фактическим патронажем каких-то внешних акторов, которые хотят иметь свои зоны доминирования, то есть опасность, конечно, такого, де-факто, раскола Сирии, чего никто не хочет» (Зоны деэскалации..., <https://ria.ru/syria/20170616/1496663772.html>). При этом эксперт добавил, что «Вопрос в том, сколько это будет продолжаться, потому что, если не произойдет перемирие политического процесса между всеми сторонами, включая силы, которые господствуют в том или ином районе, в зоне или вне зоны, тогда, собственно говоря, будет увековечиваться их раздельное существование» (Зоны деэскалации..., <https://ria.ru/syria/20170616/1496663772.html>).

На наш взгляд, известный российский востоковед справедливо отмечает возможные опасности существования зон деэскалации в Сирии. Существуют серьезные риски нарушения режима прекращения огня, учитывая противо-

речивые позиции участников конфликта, в котором стороны за весь период его протекания так и не провели непосредственных переговоров без участия посредников. Вместе с тем нельзя не отметить, что создание таких зон было своевременной и необходимой мерой. По мнению исследователя С. Ю. Серегичева, «на данный момент это единственный вариант остановить войну. Либо необходимо продолжить убивать людей с разных сторон за несуществующую целостность, либо поделить страну на сферы влияния и тем самым заложить фундамент для перемирия. Это трагично, но в противном случае мы получим затяжной конфликт, который для России может стать вторым Афганистаном» (Сирийское мирное соглашение..., <https://vz.ru/politics/2016/12/29/851874.html>).

Не разделяя позицию автора относительно превращения Сирии во второй Афганистан, учитывая ошибки прошлого и достаточно ограниченный характер военных действий России в конфликте, мы надеемся, что формирование зон деэскалации укрепит режим прекращения боевых действий, обеспечит надежное перемирие и создаст основы для осуществления переходного процесса в стране. В противном случае их создание станет отражением «бартерных сделок» между внешними игроками по размену территорий для реализации собственных интересов.

Функционирование зон деэскалации и поддержание режима перемирия в Сирии говорят об эффективности взаимодействия Ирана, России и Турции в «формате тройки». Достижению этих результатов способствовали длительные переговоры как на правительственном, так и на экспертном уровнях. Несмотря на периодические нарушения режима прекращения огня и даже попытки возобновления военных действий в этих зонах, усилия трех стран способствовали улучшению гуманитарной ситуации и расширению переговорного формата. Так, по данным Министерства обороны России на конец января 2018 г., в зонах деэскалации с момента их формирования было проведено 1743 гуманитарные акции, общий объем гуманитарного груза составил 2437 тонн, а медицинская помощь оказана 69 519 сирийским гражданам. Одновременно количество населенных пунктов, присоединившихся к процессу перемирия, увеличилось до 2342, а количество вооруженных формирований, заявивших о соблюдении режима перемирия, достигло 234 (В Минобороны отчитались..., <https://ria.ru/syria/20180131/1513670405.html>).

Взаимодействие Ирана, России и Турции в «формате тройки» говорит о наличии определенного доверия между странами, готовыми идти на уступки в урегулировании конфликта. Между тем нельзя не отметить разногласия в их позициях, вызванного как преследуемыми в конфликте целями, так и средствами их достижения. Сирийское правительство, сохранив государственность и вернув контроль над ключевыми провинциями страны, будет заинтересовано в легитимизации власти Б. Асада, используя как мирные, так и силовые инструменты решения конфликта. Российская Федерация выступает сдерживающим фактором силового варианта развития событий, к которому склоняются власти Сирии, показывая необходимость политического разрешения кризиса и настаивая на привлечении к данному процессу широкого круга оппозиционных группировок. Турция, в конечном счете, будет заинтересована в смене правительства Б. Аса-

да и приходе к власти лояльного ей лидера. Подобная позиция может войти в противоречие с интересами России и Ирана, имеющего с Турцией сходные интересы по курдскому вопросу. Однако использование Ираном формирований Корпуса стражей исламской революции и поддерживаемых им вооруженных отрядов ливанской организации «Хезболла» в конфликте вызывает резкую негативную реакцию сирийской оппозиции, поддерживаемой Турцией, настаивающей на исключении Ирана из числа стран — гарантов перемирия в Сирии.

Формирование зон деэскалации, несмотря на их значимый потенциал в укреплении режима прекращения огня, дает возможность закрепить влияние Ирана, России и Турции на данных территориях. Условно карта таких зон выглядит следующим образом: Иран получает влияние в центре страны, Россия — на северо-западе и в центральных провинциях, Турция — на севере Сирии. Между тем, как показывают переговоры в рамках Астанинского и Женевского форматов, в создании зон безопасности заинтересованы и другие внерегиональные игроки, прежде всего США.

По итогам встречи президентов В. Путина и Д. Трампа в Гамбурге 7 июля 2017 г. в рамках саммита G20, главы государств договорились о прекращении огня на юго-западе Сирии (в провинциях Дера, Кунейтра и Сувейда), сформировав, по сути, еще одну зону деэскалации («Южная сделка»..., <http://nk.org.ua/geopolitika/yujnaya-sdelka-moskvyi-i-vashingtona-duel-dvuh-diplomatiy-107577>). Данный шаг США, на наш взгляд, преследует решение ряда задач: во-первых, закрепление своего присутствия в стране, во-вторых, обеспечение безопасности стратегических партнеров в регионе — Израиля и Иордании; в-третьих, препятствование распространению иранского влияния в данной части страны.

Другим направлением взаимодействия Ирана, России и Турции по разрешению политического конфликта в Сирии является противодействие экстремизму и терроризму. Данная проблема тесно взаимосвязана с вопросом обеспечения режима прекращения боевых действий, а основной задачей международного сообщества в ее рамках видится ограничение «умеренной» оппозиции от террористических группировок, которым предоставляется право участия в переговорном процессе. Среди незаконных вооруженных формирований, действующих на территории Сирии, значительную опасность представляют организации «Исламское государство» и «Джебхат Фатх аш-Шам» («Джебхат ан-Нусра»). Являясь интернационализированными по составу и характеру деятельности, данные организации запрещены в России и других государствах мира. Значимым продвижением по пути противодействия экстремизму и терроризму в рамках Астанинского процесса и в результате двусторонних и многосторонних контактов Ирана, России и Турции стало обеспечение нового перемирия и создание зон деэскалации. Получается, что те группы оппозиции и вооруженные формирования, которые не присоединились к режиму прекращения огня и не вошли в зоны деэскалации, попадают в разряд террористических и на них не распространяются какие-либо нормы международного права.

С самого начала появления антиправительственных выступлений и постепенной интернационализации конфликта было сложно представить появление «альянса» государств, выступивших не только гарантами перемирия, но и клю-

чевыми посредниками в конфликте, придавшими его урегулированию важный импульс. В 2012–2014 гг. процесс разрешения конфликта носил сложный, разновекторный по многим параметрам характер, а создание противоречащих друг другу переговорных площадок делало позиции сторон еще более непримиримыми. Иран и Турция прибегали к помощи вооруженных формирований, а последняя, поддерживаемая западными странами, обеспечивала подготовку боевых отрядов оппозиции и оказывала им финансовую поддержку. В таких условиях говорить о совместных усилиях и направлениях деятельности по противодействию радикальным экстремистским организациям представлялось крайне проблематичным.

Активная позиция России в военной и дипломатической сферах способствовала изменению ситуации и поиску компромиссов между сторонами конфликта и поддерживаемыми ими региональными странами, которые занимали противоположные позиции. Формирование международных форматов по ведению переговоров в 2015–2016 гг. сблизило позиции некоторых стран, способствовало выработке определенного доверия между ними, без чего, на наш взгляд, невозможно было осуществление Женевского и Астанинского процессов, в последнем из которых ключевую роль посредников играют Иран, Россия и Турция.

Определенную трансформацию претерпела и линия поведения США в конфликте. «Заигрывание» с террористическими группировками в конечном итоге не привело к усилению позиций США или смене правительства Б.Асада. Наоборот, укрепление террористических организаций, создание «Исламского государства», охватившего территории Ирака и Сирии, стали значимой угрозой национальным интересам США в регионе, а группировки умеренной оппозиции оказались главным объектом американской помощи.

Помимо создания международной коалиции по борьбе с терроризмом, США активизировали дипломатические усилия по урегулированию конфликта, которые, однако, не смогли привести к отграничению умеренной оппозиции от радикальных группировок. Турция, в отличие от США, смогла сдержать свои обязательства и совместно с Ираном и Россией добилась формирования нового режима прекращения боевых действий на территории Сирии.

На сегодняшний день многие террористические группировки потерпели поражение или находятся в состоянии распада. В первую очередь это касается «Исламского государства», которое за прошедший год потеряло контроль над важными городами и населенными пунктами страны, превратившись в незначительную по составу вооруженную группировку. Многие эксперты объясняют такое положение дел использованием стратегии безудержного расширения влияния, которая приводит к созданию множества врагов и фронтов. Стремительное наступление сирийских правительственных сил, действия международной коалиции во главе с США, воздушно-космических сил Российской Федерации, оппозиционных группировок нанесли значимый урон «Исламскому государству».

Понеся существенные потери на поле боя, члены этой группировки лишились важного стратегического преимущества и основного источника финанси-

рования своей деятельности — доходов от продажи нефти, потеряв контроль над объектами нефтяной инфраструктуры. Проявлением слабости «Исламского государства» является массовое использование в боевых действиях террористов-смертников, которые вряд ли могут оказать значимое противодействие наступающим и превосходящим по численности отрядам сирийской правительственной армии. Скорее всего, в ближайшее время крупные отряды группировки будут разгромлены, а территории, контролируемые ими, освобождены.

Наиболее серьезную угрозу миру и стабильности в Сирии представляет террористическая организация «Джебхат ан-Нусра». Несмотря на смену своего названия на «Джебхат Фатх аш-Шам» и объявление о выходе из «Аль-Каиды» летом 2016 г., что во многом было продиктовано действиями региональных держав, стремившихся подключить ее к процессу политического урегулирования, она так и не смогла попасть в разряд умеренных оппозиционных группировок. Россия и США, выступавшие в то время сопредседателями Международной группы поддержки Сирии, не были заинтересованы в разрастании международных террористических группировок в стране. Несмотря на утраты, понесенные «Джебхат ан-Нусра» в столкновениях с сирийской армией, она сохранила свои финансовые и военные возможности, структуру руководства, основанную на строгом единоначалии и высоком уровне идеологической приверженности ее членов.

Серьезным фактором, осложняющим действия по борьбе с данной группировкой, является ее поддержка рядом региональных государств, в том числе Турцией. Так, известно, что Турция оказывает ей финансовую помощь, позволяет членам группировки свободно переходить границу для пополнения запасов и обучения, координирует с ними свои действия в северных районах Сирии для противодействия курдам. Это идет вразрез с существующими договоренностями Ирана, России и Турции по поддержанию режима прекращения боевых действий и созданию зон деэскалации. Разгром «Джебхат ан-Нусры» представляется нелегкой задачей, решение которой будет зависеть от развития ситуации непосредственно в зоне конфликта, достижения компромиссов и выполнения договоренностей в процессе сирийского урегулирования, а также участия в нем международного сообщества.

В любом случае нынешнее поражение террористических группировок объясняется как противодействием им в рамках двустороннего российско-турецкого сотрудничества, так и взаимодействием Ирана, России и Турции в «формате тройки», имеющим большое влияние на стороны конфликта. Нельзя в данной связи не отметить действие внешнего фактора, состоящего в снижении или прекращении региональными странами поддержки радикальных исламистских организаций. В 2017 г. по ряду причин, связанных с борьбой за политическое влияние в регионе Ближнего Востока, произошел конфликт между Катаром и Саудовской Аравией, приведший к разрыву дипломатических отношений Катара со многими государствами Персидского залива, что, безусловно, не могло не сказаться на состоянии «эр-риядской группы оппозиции».

Конфликт способствовал развитию ирано-катарских и турецко-катарских отношений, снижению финансовой помощи экстремистским организациям

в Сирии, а также вынудил оппозицию пойти на определенные уступки. В частности можно говорить о снижении ультимативных требований на переговорах и присоединении оппозиционных группировок, подконтрольных монархиям Персидского залива, к процессу перемирия и поддержания зон деэскалации.

В дальнейшем даже при условии разгрома незаконных вооруженных формирований это еще не будет означать полной победы над таким явлением, как терроризм. Предстоит долгий путь идеологического противодействия ему, который станет очень важным в процессе национального примирения и постконфликтного восстановления Сирии.

Не менее важным направлением сотрудничества Ирана, России и Турции является оказание гуманитарной помощи пострадавшим от конфликта районам страны и проживающему в них населению. Стоит отметить, что улучшению положения в данной сфере способствовал ряд механизмов, созданных в рамках Астанинского процесса. Во-первых, это формирование и обеспечение режима прекращения огня на всей территории Сирии, а также создание трехстороннего механизма для наблюдения за ним и определения условий его прекращения. Кроме того формируется Совместная группа, состоящая из представителей Ирана, России и Турции, а также экспертов ООН, деятельность которой направлена на мониторинг, координацию действий и принятие мер по предотвращению нарушений режима прекращения огня (Положение о Совместной группе..., http://www.mid.ru/web/guest/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/2647737).

Во-вторых, создание зон деэскалации и в рамках них полос безопасности (контрольно-пропускных и наблюдательных пунктов), функционирование которых будет способствовать беспрепятственной доставке и распределению гуманитарной помощи среди населения. Решение оперативных и технических вопросов в данной сфере возложено на Совместную рабочую группу по деэскалации, а также силы контроля в зонах деэскалации, предоставляемые странами-гарантами и направленные также на предотвращение инцидентов и боевых столкновений между сторонами конфликта (Щегловин, <http://www.iimes.ru/?p=37742>). Немаловажную роль в процессе оказания гуманитарной помощи может сыграть Совместный ирано-российско-турецкий координационный центр, созданный для оптимизации взаимодействия сил контроля в зонах деэскалации (Совместное заявление Ирана, России и Турции..., http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2864541). В частности его действия могут быть направлены на точечное распределение гуманитарных грузов и создание условий по возвращению беженцев.

В-третьих, согласование странами-гарантами по итогам восьмой Международной встречи по Сирии в Астане, прошедшей 21–22 декабря 2017 г., «Положения о Рабочей группе по освобождению задержанных/заложников, передачи тел погибших и поиску пропавших без вести». В состав данной группы будут входить представители от Ирана, России и Турции как стран-гарантов, ООН, а также международных неправительственных организаций, а ее заседания на регулярной основе будут проходить в Астане (Положение о Рабочей группе...,

http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/3001235).

Таким образом, сформированные механизмы, несмотря на всю их хрупкость, объясняемую условиями вооруженного конфликта, являются важными конкретными результатами в гуманитарной сфере. Безусловно, эти механизмы были бы невозможны без постоянных многосторонних контактов между тремя странами. Хочется надеяться, что они укрепят доверие между сторонами конфликта, сделают отношения более прозрачными, будут способствовать снижению насилия и решению многих гуманитарных вопросов.

Несмотря на меры, принимаемые в рамках как Астанинского, так и Женевского процессов, гуманитарная ситуация в стране остается достаточно сложной. Так, согласно данным, предоставляемым ООН, в 2016 г. более половины населения (13,5 млн человек) Сирии нуждалось в гуманитарной помощи, 11,5 млн человек — в медицинской помощи, а у 11,2 млн человек отсутствовал элементарный доступ к чистой питьевой воде. При этом беженцами с начала конфликта стали 4,8 млн человек (Гатилов, 2016, с. 2). На сегодняшний день в оказании гуманитарной помощи принимают участие многие государства мира, в том числе страны «формата тройки», а также международные организации. Значительную эффективность в этом плане демонстрируют действия Российской Федерации, осуществляемые как по линии международных организаций, так и на двусторонней основе — сирийскому правительству, в меньшей степени — вооруженной оппозиции.

Согласно данным Управления по координации гуманитарных вопросов ООН, с начала конфликта Россия оказала помощь Сирии на 52 млн долларов (Чулковская, <http://www.forbes.ru/biznes/336153-drugaya-cena-voyny-kto-i-skolko-tratit-na-humanitarnuyu-pomoshch-sirii>). По объему гуманитарной помощи Россия значительно уступает западным странам, но при этом превалирует в плане эффективности ее осуществления непосредственно в зоне конфликта¹. Во многом это связано с тем, что Россия вместе с Ираном и Турцией имеет отлаженные механизмы доставки и распределения гуманитарной помощи среди населения. Так, например, Центр по примирению враждующих сторон в Сирии, располагающийся на авиабазе Хмеймим, обеспечивает практически ежедневную доставку гуманитарных грузов в разные районы конфликта.

Важной особенностью осуществления гуманитарной помощи в Сирии является рассогласованность действий основных акторов данного процесса, прибегающих к использованию гуманитарной тематики в своих интересах. Эта сфера, несмотря на ее значительное эмоциональное и психологическое воздействие на общество, стала объектом информационного противостояния между Россией и странами Запада. Последние периодически препятствовали оказанию гуманитарной помощи и использовали эту тематику для критики сирийских властей и давления на Россию.

¹ Например, страны ЕС с 2011 по 2016 г. выделили помощь Сирии и странам, принявшим сирийских беженцев, в размере 6,4 млрд евро, а США за этот же период — около 5,9 млрд долларов.

Выдвигая иногда бездоказательные обвинения в адрес властей, эти страны предоставляли преимущества для вооруженных оппозиционных группировок, которые использовали их для усиления своих позиций. Продвигались инициативы, противоречащие международным принципам оказания гуманитарной помощи, нарушающие суверенитет и территориальную целостность Сирии. Известны попытки Великобритании, США и Франции принять в Совете Безопасности ООН резолюции, одобряющие иностранное военное вмешательство под предлогом массового нарушения прав человека, что могло бы привести к углублению гуманитарного кризиса и развитию ситуации по ливийскому сценарию.

Осложнению гуманитарного кризиса способствовала деятельность неправительственных организаций, подконтрольных западным странам и некоторым государствам Персидского залива (например, Саудовской Аравии и Катара), которые собирали данные и преподносили материал из зоны конфликта в выгодном для себя свете. Их услугами пользуются некоторые структуры ООН, собирающие данные по различным аспектам гуманитарной ситуации в Сирии.

Так, например, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека при подсчете количества жертв конфликта прибегало к помощи таких организаций, как «Бенетек», «Группа анализа данных по правам человека», финансируемых или поддерживаемых Государственным департаментом США, а также сирийских НПО «Сирийская сеть за права человека», «Центр документации нарушений», «Сирийская обсерватория по правам человека», объективная деятельность которых вызывает большие сомнения (Ходынская-Голенищева, 2016, с. 62–63). Известно, что последняя базировалась в Лондоне и, по материалам портала «Russia Today», фактически состояла из одного человека, получавшего информацию о происходящих в Сирии событиях от боевиков по телефону (Exclusive: Man who runs SOHR.., <https://www.rt.com/news/317813-sohr-visit-syria-long/>).

Гуманитарная проблематика нашла отражение и в информационной сфере, а используемые сторонами способы противоборства ее значительно актуализировали. Информационными агентствами, в основном западными, использовались различные инструменты информационного противодействия, начиная от обычной манипуляции сознанием человека, предполагающей искажение описываемых событий в СМИ, и вплоть до создания откровенных информационных вбросов, содержащих непроверенную информацию и способствующих осложнению обстановки в зоне конфликта.

Наиболее наглядно это проявилось в ситуации с освобождением города Алеппо, однако активная позиция России при содействии Ирана и Турции способствовала оказанию бесперебойной гуманитарной помощи, освобождению города от радикальных исламистских организаций и складыванию «формата тройки». Хочется надеяться, что непростая ситуация в гуманитарной сфере приведет к активизации позиций сторон, усилению сотрудничества, отказу от конъюнктурных подходов, а также большей ответственности и решению конкретных задач в оказании гуманитарной помощи.

Насущным вопросом сегодняшней повестки дня в решении сирийского конфликта остается осуществление переходного процесса в стране. Согласно

резолюции 2254 Совета Безопасности ООН, он предполагает формирование представительных органов, принятие конституции, проведение выборов, соблюдение принципов государственного управления, высоких стандартов транспарентности и подотчетности. Однако положения этой резолюции, как показали переговоры по урегулированию конфликта в рамках Женевского процесса, оказались труднореализуемыми. Здесь сказались сразу несколько факторов, начиная с того, что оппозиция недостаточно хорошо представлена на переговорах, до решения конкретных вопросов политического устройства страны.

Итоги восьмого раунда переговоров в Женеве, прошедшего в декабре 2017 г., показали, что стороны не готовы к началу политического процесса в Сирии. Специальный посланник ООН по Сирии С. де Мистура выразил разочарование результатами переговоров, назвав их «золотой упущенной возможностью», превратившейся в «пинг-понг предварительных условий» из-за взаимных обвинений сторон (В Женеве завершился..., <https://ria.ru/syria/20171215/1511076340.html>). Претензии предъявлялись как делегации сирийского правительства, так и оппозиции. Первая обсуждала в основном вопросы, связанные с борьбой с терроризмом, в то время как сформированная объединенная оппозиция была готова вести переговоры по комплексу аспектов, в рамках так называемых четырех корзин. Часть ответственности была возложена и на оппозицию, увязавшую переходный процесс с необходимостью отставки президента Б. Асада, что, возможно, и вызвало нежелание правительственной делегации говорить о подготовке конституции и проведении выборов. По данным портала «РИА Новости», С. де Мистура на переговорах с делегацией оппозиции даже заявил, что она осталась без поддержки своих союзников в вопросе смещения президента Б. Асада и может перестать восприниматься всерьез другими сторонами (Женева-8: прорыва нет..., <https://ria.ru/syria/20171212/1510779749.html?inj=1>).

Обсуждение в таких условиях каких-либо проектов, направленных на разрешение конфликта, является сложным процессом, хотя, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания. Так, в рамках восьмого раунда переговоров С. де Мистурой был предложен к обсуждению документ под названием «12 пунктов по соприкосновению позиций сирийских сторон», который содержит основные принципы построения будущего сирийского государства. В целом переговоры прошли по привычному сценарию — стороны выразили разочарование их итогами, а сам процесс сопровождался взаимными обвинениями.

В связи с отсутствием прорывных результатов в Женеве в экспертной среде стали появляться мнения о необходимости замены формата переговоров. На наш взгляд, это представляется преждевременной мерой, учитывая полярность интересов сторон и значимую роль ООН на переговорах. Существенными недостатками существующего формата видится то, что не все стороны конфликта оказываются представлены, превалирование влияния западных стран и подконтрольных им групп оппозиции, в том числе внешней, не имеющей иногда представления о протекающих в Сирии процессах, периодическое игнорирование мнения других акторов.

Можно ли в таких условиях добиться достаточной легитимности принимаемых решений? Вместе с тем тяжело представить, чтобы США покинули этот

формат, рискуя потерять свой авторитет и позиции в сирийском конфликте. Думаем, что они не пойдут на это. Конечно, аналогичным образом поступают и другие региональные и крупные мировые державы, используя международные площадки и переговоры для продвижения своих интересов. Собственно сирийский конфликт — это арена постоянного противоборства интересов различных акторов, средствами разрешения которого станут инструменты дипломатии, предполагающей уступки, размены и компромиссы.

Определенным шагом вперед в сирийском урегулировании можно считать проведение Конгресса сирийского национального диалога в Сочи, состоявшегося 29–30 января 2018 г. Его значимым итогом стало формирование Конституционного комитета, который займется разработкой новой конституции страны. Нельзя не отметить, что данное мероприятие подчеркнуло важность согласованных усилий Ирана, России и Турции как государств — гарантов Астанинского процесса.

Совместные действия этих стран способствовали успешному проведению Конгресса, а его результаты — запуску национального диалога. В мероприятии приняли участие многие этнические и религиозные группы Сирии, представители правительства и оппозиции, которые ранее находились в остроконфликтных отношениях. Не менее важным итогом, как показал Конгресс, явилась готовность сирийского общества к примирению, разрешению долговременного конфликта, сопровождающегося жертвами и страданиями с обеих сторон.

Проведение Конгресса вызвало неоднозначную реакцию на Западе, а также в рядах «непримиримой» сирийской оппозиции. Различные СМИ, прежде всего американские, высказывали многочисленные подозрения в адрес данной инициативы Российской Федерации, говорили даже о подкопе под Женевский процесс. Так, директор Российского совета по международным делам А. Кortunov отмечает, что Россию подозревают в намерении «создать свой карманный, условно говоря, “сочинский” формат политического диалога, который был бы жестко привязан к переговорам в Астане и сделал бы продолжение диалога в Женеве попросту ненужным» (Кортунов, <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sochi-stopover/>). На наш взгляд, такое объяснение позиции России представляется малоубедительным: итоги Конгресса не дают каких-либо односторонних преимуществ, а наоборот, создают дополнительный импульс сирийскому урегулированию.

В этой связи можно выдвинуть как минимум три контраргумента. Первый — участие в национальном примирении накладывает на Россию, а также Иран и Турцию серьезную ответственность за решение возникающих в этом процессе проблем. Второе — Россия неоднократно демонстрировала, что не всегда и не во всем поддерживает сирийское правительство по урегулированию конфликта. Третье — осуществление переходного процесса потребует значительных финансовых ресурсов, участия в нем государств Персидского залива, европейских стран, США. А они, в свою очередь, вряд ли захотят финансировать правительство, которое в их глазах является нелегитимным.

Несмотря на достаточно напряженный характер переговоров в Сочи, их участникам удалось достичь поставленных задач. По итогам Конгресса было

принято два документа — «Обращение участников Конгресса сирийского национального диалога» и «Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога». Особый интерес представляет содержание второго документа, в котором излагаются принципы политического урегулирования.

Их реализация предполагает формирование Конституционной комиссии, состоящей из представителей как правительства, так и оппозиции, различных социальных, этнических и религиозных групп, задачей которых будет являться подготовка конституционной реформы. Вместе с тем практические шаги по запуску данного процесса, определению состава Конституционной комиссии, организационных и правовых основ ее деятельности будут осуществляться в рамках Женевского формата (Заключительное заявление..., http://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERcf/content/id/3046246).

Нельзя не отметить некоторых трудностей, возникших в процессе проведения Конгресса. Во-первых, на нем практически не были представлены крупные оппозиционные группировки (Национальный комитет сирийских революционных и оппозиционных сил, курдская партия «Демократический союз»). Во-вторых, сложности связаны с возможностью их включения в состав будущей Конституционной комиссии. Решение этих вопросов будет зависеть от способности сторон конфликта договориться и применения для этого различных механизмов ООН.

На сегодняшний день в условиях фактического разгрома, понесенного террористическими группировками, важнейшим пунктом будущей повестки дня сирийского урегулирования остается вопрос формирования переходного периода. Он предполагает значительные усилия сторон и создание широкого политического диалога, направленные на поиск точек соприкосновения и условий окончательного разрешения конфликта.

За более чем семилетний период гражданской войны в Сирии не произошло каких-либо кардинальных изменений в позициях сторон. Их интересы остаются достаточно полярными. Вмешательство России в конфликт, безусловно, несколько стабилизировало ситуацию, активизировало усилия государств по его урегулированию. Вместе с тем восстановление контроля над значительной территорией страны сделало сирийское правительство, в рядах которого превалируют сторонники военного варианта решения конфликта, еще менее уступчивым. Оппозиция, в свою очередь, обвиняет в сложившейся ситуации сирийский режим, не готовый идти на какие-либо переходные реформы, которые могли бы ей что-то предложить.

Как показывает процесс переговоров в Женеве, правительственная делегация неохотно идет на имплементацию положений резолюции 2254 Совета Безопасности ООН, предлагая внести поправки в конституцию страны, а не принимать ее заново, провести парламентские, а не президентские выборы. Нельзя оправдывать и действия оппозиционных групп, поступающих аналогично, периодически срывая переговоры и выдвигая ультимативные требования. Оппозиция также обвиняет Россию в бездействии, легитимации желаемого сирийского проекта, предлагая ей оказать давление на сирийские власти, чтобы они пошли на уступки.

Противоречивыми выглядят позиции региональных и международных акторов в конфликте. В данном случае речь идет о США и Турции, имеющих собственные вооруженные силы на территории Сирии. После прекращения двустороннего взаимодействия с Россией США значительно устарились из конфликта и до сих пор не обладают целостной стратегией поведения. Закрепившись в северных и южных районах страны, они продолжают поддерживать и обучать вооруженные группы оппозиции, противостоящие режиму, вместо того чтобы направить их усилия в русло урегулирования конфликта. США скептически смотрят на результаты Астанинского процесса, но при этом не предлагают каких-либо других решений.

Понятно, что США никогда не смирятся с присутствием Б. Асада и его режимом в Сирии. По сути речь идет о смене ориентиров, а не приоритетов. США придется взаимодействовать с сирийским правительством, исходя из изменившейся ситуации, но в долгосрочной перспективе они будут рассматривать смену режима в Сирии, поддерживать оппозицию и создавать свой порядок.

Дестабилизирующей выглядит позиция Турции по некоторым вопросам сирийского урегулирования, прежде всего связанным с курдской проблемой. С одной стороны, Турция является страной-гарантом в сирийском конфликте и членом «формата тройки», без нее он бы не состоялся, а с другой стороны, она препятствует участию курдов в переговорах на любых международных площадках, считая их связанными с запрещенной в Турции террористической группировкой «Рабочая партия Курдистана». К тому же Турция не заинтересована в создании протяженной автономии на севере Сирии, представляющей угрозу ее национальной безопасности. Любые попытки России стимулировать участие курдов в переговорах наталкиваются на жесткую критику турецкой стороны, периодически выражаемую в активизации подконтрольными ей группировками вооруженных действий в отдельных провинциях Сирии (Идлиб, Восточная Гута и др.), не говоря уже о двух операциях, проведенных Турцией на курдских территориях («Щит Евфрата», «Оливковая ветвь»).

На наш взгляд, в перспективе возможны следующие сценарии развития политической ситуации в контексте урегулирования сирийского конфликта. Первый сценарий предполагает восстановление сотрудничества между Россией и США, расширение диалога между странами, поиск компромиссов, уступки ради сохранения суверенитета страны и обеспечения безопасности в регионе, формирование переходного правительства. Такой режим будет ориентирован на проведение политики нейтралитета на международной арене.

Второй сценарий связан с усилением конфронтации между Россией и США, отдельными коалициями государств («формат тройки», «саудовская коалиция», коалиция западных стран) из-за столкновения интересов по вопросу урегулирования конфликта, прекращением сотрудничества, милитаризацией конфликта, усилением террористической активности, появлением дополнительных очагов нестабильности. При этом развитие ситуации по «плану В» представляется нереалистичным из-за риска военного столкновения между крупными державами.

Третий сценарий — расширение российского присутствия в Сирии (средства противовоздушной обороны, авиация, воинские подразделения), вытес-

нение США и поддерживающих их европейских государств, в рядах которых все больше чувствуется усталость и нежелание втягиваться в долгоиграющий конфликт. Предполагается постепенное восстановление контроля над территорией Сирии правительственными силами и, возможно, формирование правительства национального единства. Турция соглашается на приход к власти более лояльного лидера и получает гарантии безопасности в курдском вопросе. При этом сформированный режим не будет признан западными странами, а сложившаяся ситуация приведет к углублению противоречий между Россией и государствами Персидского залива.

И, наконец, четвертый сценарий — разделение страны на отдельные административно-территориальные единицы, подконтрольные разным силам (правительство Сирии, оппозиционные группировки, курды, террористические организации и др.). При этом как правительственным силам, так и оппозиции периодически будет оказываться военная и политическая помощь со стороны поддерживающих их государств.

Наиболее вероятным представляется синтез третьего и четвертого сценариев, когда конфликт перейдет в долгоиграющую стадию с неясными перспективами урегулирования. Между тем возможны уступки, размены, компромиссы между сторонами конфликта по отдельным вопросам политического урегулирования.

Таким образом, взаимодействие Ирана, России и Турции в «формате тройки» и в рамках Астанинского процесса представляется эффективным, о чем свидетельствуют достигнутые ими результаты (формирование режима прекращения огня, создание зон безопасности, борьба с террористическими группировками, оказание гуманитарной помощи).

Расширение диалога между странами способствовало созданию двусторонних и многосторонних механизмов взаимодействия как на правительственном, так и экспертном уровне, позволивших сформировать систему мониторинга и контроля за развитием ситуации в зоне конфликта и выполнением соглашений.

Вместе с тем насущным вопросом сирийского урегулирования остается формирование процесса политического перехода, чему во многом препятствуют полярные позиции сторон конфликта, а различные его аспекты становятся предметом торга между региональными странами и крупными мировыми державами.

На разрешение конфликта в Сирии влияет трансформация ближневосточного региона, в государствах которого сохраняется дисбаланс институционального развития. Их стабилизация, укрепление историко-культурных и экономических основ будет способствовать саморазвитию региона, препятствовать проникновению глобальных трендов развития, несущих в себе значительный потенциал конфликтности.

Литература

В Женеве завершился восьмой раунд межсирийских переговоров. URL: <https://ria.ru/syria/20171215/1511076340.html> (дата обращения: 12.03.2018).

В Минобороны отчитались о ситуации в зонах деэскалации в Сирии. URL: <https://ria.ru/syria/20180131/1513670405.html> (дата обращения: 02.03.2018).

Гатиллов Г. М. Гуманитарный кризис в Сирии: как человеческие трагедии используются в политических целях // *Международная жизнь*. 2016. № 10. С. 1–15.

Женева-8: прорыва нет, но появилась надежда. URL: <https://ria.ru/syria/20171212/1510779749.html?inj=1> (дата обращения: 12.03.2018).

Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога, Сочи, 30 января 2018 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERcf/content/id/3046246 (дата обращения: 14.03.2018).

Зоны деэскалации создают опасность раскола в Сирии, считает политолог. URL: <https://ria.ru/syria/20170616/1496663772.html> (дата обращения: 27.02.2018).

Кортунов А. Из Астаны в Женеву с остановкой в Сочи. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sochi-stopover/> (дата обращения: 14.03.2018).

Майалл Х. Трансформация конфликтов: комплексная задача // *Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра* / пер с англ.; ред. В. Тишков, М. Устинова. М.: Наука, 2007. С. 76–97.

Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERcf/content/id/2746041 (дата обращения: 24.02.2018).

Положение о «Рабочей группе по освобождению задержанных/заложников, передаче тел погибших и поиску пропавших без вести». URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/3001235 (дата обращения: 08.03.2018).

Положение о Совместной группе (Согласованное по итогам Международной встречи по Сирии в Астане, 16 февраля 2017 года). URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/2647737 (дата обращения: 07.03.2018).

Сирийское мирное соглашение стало возможным лишь благодаря взятию Алеппо. URL: <https://vz.ru/politics/2016/12/29/851874.html> (дата обращения: 27.02.2018).

Совместное заявление Ирана, России и Турции по итогам Международной встречи по Сирии в Астане, 14–15 сентября 2017 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2864541 (дата обращения: 07.03.2018).

Совместное заявление министров иностранных дел Исламской Республики Иран, Российской Федерации, Турецкой Республики по согласованным мерам, направленным на оживление политического процесса с целью прекращения сирийского конфликта, Москва, 20 декабря 2016 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2573489 (дата обращения: 18.02.2018).

Труевцев К. М. Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10, № 2. С. 143–166.

Ходынская-Голенищева М. С. Подсчет числа жертв сирийского кризиса: «неопровержимые данные ООН», или Манипуляция статистикой погибших // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 1. С. 58–65.

Чулковская Е. Другая цена войны: кто и сколько тратит на гуманитарную помощь Сирии. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/336153-drugaya-cena-voyny-kto-i-skolko-tratit-na-gumanitarnuyu-pomoshch-sirii> (дата обращения: 08.03.2018).

Щегловин Ю. Б. Сирия: к итогам переговоров в Астане 14–15 сентября 2017 г. URL: <http://www.iimes.ru/?p=37742> (дата обращения: 07.03.2018).

«Южная сделка» Москвы и Вашингтона: дуэль двух дипломатий. URL: <http://nk.org.ua/geopolitika/yujnaya-sdelka-moskvyi-i-vashingtona-duel-dvuh-diplomatiy-107577> (дата обращения: 05.03.2018).

Exclusive: Man who runs SOHR admits to RT he last visited Syria 15 years ago. URL: <https://www.rt.com/news/317813-sohr-visit-syria-long/> (accessed: 11.03.2018).

Большаков Андрей Георгиевич — д-р полит. наук, проф.; bolshakov_andrei@mail.ru

Мансуров Тимур Зуфарович — канд. полит. наук, доц.; timur-man333@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 10 апреля 2018 г.;

рекомендована в печать: 18 сентября 2018 г.

Для цитирования: Большаков А. Г., Мансуров Т. З. Взаимодействие Ирана, России и Турции в сирийском конфликте и перспективы его урегулирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14, № 2. С. 298–319. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.207>

INTERACTION OF IRAN, RUSSIA AND TURKEY IN THE SYRIAN CONFLICT AND PROSPECTS FOR ITS SETTLEMENT

Andrey G. Bolshakov

Kazan (Volga Region) federal University,
2A-34, Kremlyovskaya st., Kazan, 420111, Russian Federation; bolshakov_andrei@mail.ru

Timur Z. Mansurov

Kazan (Volga Region) federal University,
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation; timur-man333@mail.ru

The Syrian conflict is an urgent problem for the modern international community. It is external factors that are of priority when we determine the causes of this regional confrontation. The article analyzes the efforts of international organizations and leading countries of the world and the region in the settlement of the conflict. The Syrian conflict includes civil war, counteraction of the terrorist organization «Islamic State» by the leading countries of the world and the region, military and police operations of the West, the Russian Federation and Turkey. The main participants in the conflict are considered by external actors in different ways, the same groups are considered terrorist or leading a national liberation war. National armies are faced in Syria with private military companies, intermediary states are a hybrid war with terrorists and among themselves. The legitimate government of Syria is strongly supported by the Russian Federation and is declared «outlawed» by the United States and its allies. As a methodology for the study of the Syrian conflict, the authors use the theory of conflict transformation, which is popular today among foreign and domestic scientists. In the foreground of the article is the analysis of Russia and its modern allies in the Middle East — Turkey and Iran. Both countries have their own interests in the current situation in the Middle East, however, their positions are largely close to Russian diplomacy on the problem of the Syrian conflict. The scenarios of the situation in the Middle East and the prospects for the settlement of the Syrian conflict are the most important part of the study carried out by the authors.

Keywords: Syrian conflict, Iran, Russia, Turkey, ceasefire, humanitarian aid, transition process, settlement of the conflict, scenarios of development.

References

“Iuzhnaia sdelka” Moskvy i Vashingtona: duel’ dvukh diplomatii [“Southern Deal” between Moscow and Washington: the Duel of the Two Diplomacies]. Available at: <http://nk.org.ua/geopolitika/yujnaya-sdelka-moskvy-i-vashingtona-duel-dvuh-diplomatii-107577> (accessed: 05.03.2018). (In Russian)

Chulkovskaia E. *Drugaya tsena voyny: kto i skol'ko tratit na humanitarnuiu pomoshch' Sirii* [Another Price of the War: Who and How Much Spends on Humanitarian Aid to Syria]. Available at: <http://www.forbes.ru/biznes/336153-drugaya-tsena-voyny-kto-i-skolko-tratit-na-humanitarnuyu-pomoshch-sirii> (accessed: 08.03.2018). (In Russian)

Exclusive: Man who runs SOHR admits to RT he last visited Syria 15 years ago. Available at: <https://www.rt.com/news/317813-sohr-visit-syria-long/> (accessed: 11.03.2018).

Gatilov G. M. Gumanitarnyi krizis v Sirii: kak chelovecheskie tragedii ispol'zuiutsia v politicheskikh tseliakh [The Humanitarian Crisis in Syria: How Human Tragedies are Used for Political Purposes]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2016, no. 10, pp. 1–15. (In Russian)

Khodynskaia-Golenishcheva M. S. Podschet chisla zhertv siriiskogo krizisa: "neoproverzhimye dannye OON", ili Manipuliatsiia statistiko pogibshikh [Calculation of the Syrian Conflict Death Toll: "Irrefutable Evidence of the UN", or Statistics Manipulation]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Humanities and Social Sciences*, 2016, no. 1, pp. 58–65. (In Russian)

Kortunov A. *Iz Astany v Zhenevu s ostanovkoi v Sochi* [From Astana to Geneva with a Stop in Sochi]. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sochi-stopover/> (accessed: 14.03.2018). (In Russian)

Memorandum o sozdanii zon deeskalatsii v Siriiskoi Arabskoi Respublike [Memorandum on the Establishment of De-escalation Zones in the Syrian Arab Republic]. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERcf/content/id/2746041 (accessed: 24.02.2018). (In Russian)

Miall H. Transformatsiia konfliktov: kompleksnaia zadacha [Conflict Transformation: A Multi-Dimensional Task]. *Etnopoliticheskii konflikt: puti transformatsii: nastol'naia kniga Berghofskogo tsentra* [Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Center Handbook]. Transl. from Engl. Eds V. Tishkov, M. Ustinova. Moscow, Nauka, 2007, pp. 76–97. (In Russian)

Polozhenie o "Rabochei gruppe po osvobozhdeniiu zaderzhannykh/zalozhnikov, peredache tel pogibshikh i poisku propavshikh bez vesti" [Regulations on "Working Group on Release of Detainees/Hostages, Transfer of Bodies of the Lost and Search of Missing Persons"]. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/3001235 (accessed: 08.03.2018). (In Russian)

Polozhenie o Sovmestnoi gruppe (Soglasovannoe po itogam Mezhdunarodnoi vstrechi po Sirii v Astane, 16 fevralia 2017 goda) [Regulations on the Joint Group (Agreed on the Results of the International Meeting on Syria in Astana, February 16, 2017)]. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/2647737 (accessed: 07.03.2018). (In Russian)

Shcheglov Iu. B. *Siriia: k itogam peregovorov v Astane 14–15 sentiabria 2017 g.* [Syria: to the results of the talks in Astana on September 14–15, 2017]. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=37742> (accessed: 07.03.2018). (In Russian)

Siriiskoe mirnoe soglasenie stalo vozmozhnym lish' blagodaria vziatiu Aleppo [The Syrian Peace Agreement Was Made Possible Only Through the Capture of Aleppo]. Available at: <https://vz.ru/politics/2016/12/29/851874.html> (accessed: 27.02.2018). (In Russian)

Sovmestnoe zaiavlenie Irana, Rossii i Turtsii po itogam Mezhdunarodnoi vstrechi po Sirii v Astane, 14–15 sentiabria 2017 goda [A Joint Statement of Iran, Russia and Turkey up to the International Meeting on Syria in Astana, 14–15 September 2017]. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2864541 (accessed: 07.03.2018). (In Russian)

Sovmestnoe zaiavlenie ministrov inostrannykh del Islamskoi Respubliki Iran, Rossiiskoi Federatsii, Turetskoi Respubliki po soglasovannym meram, napravlyennym na ozhivlenie politicheskogo protsessa s tsel'iu prekrashcheniia siriiskogo konflikta, Moskva, 20 dekabria 2016 goda [Joint Statement of the Foreign Ministers of the Islamic Republic of Iran, the Russian Federation and the Republic of Turkey on the Agreed Measures Aimed at Reviving the Political Process Aimed at Ending the Syrian Conflict, Moscow, December 20, 2016]. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2573489 (accessed: 18.02.2018). (In Russian)

Truevtsev K. M. Blizhnii Vostok: morfologiya konflikta i postkonfliktnyi dizain [Middle East: Morphology of Conflict and Post-conflict Design]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 143–166. (In Russian)

V Minoborony otchitalis' o situatsii v zonakh deeskalatsii v Sirii [The Defense Ministry Reported on the Situation in the Zones of De-escalation in Syria]. Available at: <https://ria.ru/syria/20180131/1513670405.html> (accessed: 02.03.2018). (In Russian)

V Zheneve zavershilsia vos'moi raund mezhsiriiskikh peregovorov [Eighth Round of Inter-Syrian Talks Concluded in Geneva]. Available at: <https://ria.ru/syria/20171215/1511076340.html> (accessed: 12.03.2018). (In Russian)

Zakliuchitel'noe zaivlenie Kongressa siriiskogo natsional'nogo dialoga, Sochi, 30 ianvaria 2018 goda [Final Statement of the Syrian National Dialogue Congress, Sochi, 30 January 2018]. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOWMERcf/content/id/3046246 (accessed: 14.03.2018). (In Russian)

Zheneva-8: proryva net, no polavilas' nadezhda [Geneva-8: no breakthrough, but there is hope]. Available at: <https://ria.ru/syria/20171212/1510779749.html?in=1> (accessed: 12.03.2018). (In Russian)

Zony deeskalatsii sozdaiut opasnost' raskola v Sirii, schitaet politolog [De-escalation Zones Create the Danger of a Split in Syria, the Political Scientist Said]. Available at: <https://ria.ru/syria/20170616/1496663772.html> (accessed: 27.02.2018). (In Russian)

Received: April 10, 2018

Accepted: September 18, 2018

For citation: Bolshakov A. G., Mansurov T. Z. Interaction of Iran, Russia and Turkey in the Syrian conflict and prospects for its settlement. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 298–319. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.207> (In Russian)